

Е.С. БУРКОВА
(г. Одесса, Украина)

УДК 82:1
ББК Ю3(2)53-8

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ Н. ГОГОЛЯ И Ф. ДОСТОЕВСКОГО В КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Л. ШЕСТОВА

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты интерпретационной практики Л. Шестова. Анализируется статья «Кьеркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)», так как ряд положений, изложенных в ней, позволяет выявить особенности философского дискурса критика, понять значимость философских идей в подходе Л. Шестова к проблемам литературы. Выделяются основные темы, в связи с которыми критик обращается к наследию С. Кьеркегора: онтологическое одиночество, экзистенциальное мироощущение человека, пограничная ситуация между жизнью и смертью.

Ключевые слова: критика, русская литература, «шестовизация», художник, интерпретация.

В современном литературоведении усилился интерес к проблеме истории и теории литературной критики. В этом плане значимы исследования А. Валицкого, Р. Громяка, Н. Кочетовой, В. Лашова, М. Наенко, А. Оппо, Н. Раковской, С. Яковенко и др. В то же время теоретически важными для решения поставленной проблемы являются концепции М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Тюпы. В современном гуманитарном знании особый интерес вызывает литературная критика конца XIX – начала XX вв. В этом плане наибольшее количество работ посвящено В. Розанову, Д. Мережковскому (Н. Грякаловой, В. Лебедевой, А. Холикова). Однако следует заметить, что критическое наследие Л. Шестова предметом пристального осмысления в литературоведении ещё не стало. В связи с актуализацией проблемы целью данной статьи является осмысление интерпретационной практики Л. Шестова, в частности, выделение принципов подхода к русской литературе, среди которых, безусловно, доминирующим является философичность.

Обращение к работам Кьеркегора, Гуссерля, Ницше позволили критику выстроить концепцию русской литературы, в центре которой находится философская проблематика: «...русская философская мысль, такая глубокая и такая своеобразная, получила своё выражение именно в художественной литературе. Никто в России так свободно и властно не думал, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Толстой... и даже Чехов... » [Асоян 2002: 44].

В. Лашов полагает, что «Киркегор – лишь прекрасный повод для развития темы, которая его (Л. Шестова) самого мучит и которой он посвятил всё своё творчество» [Лашов 2012]. Это тема трагичности человеческого существования. Для решения поставленной задачи С. Кьеркегор и Л. Шестов включают в текст библейские мотивы страдания, греха, воскресения. Кроме того, наполненность статей Л. Шестова явными и скрытыми цитатами, авторскими комментариями, оставленными для осмысления читателю, определяет полифоничность его размышлений. В связи с этим, укажем на диалогичность критической системы Л. Шестова. Художник становится основным объектом, вокруг которого выстраивается ход размышлений критика. Обратимся к организации текста статьи «Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне)». Она состоит из 25 глав и заключения. Каждая глава содержит в своём названии отдельные аспекты проблемы («Вера и грех», «Гений и рок», «Знание как падение» и др.); в заголовки ряда глав вынесены имена мыслителей или библейских персонажей, к которым постоянно обращается критик: «Иов и Гегель», «Киркегард и Лютер». Отметим, что расположение имён Иов и Гегель рядом указывает на проблему иррационального и рационального начал в модели мира Л. Шестова. Иов, являющийся примером абсолютной веры в Бога даже находясь на грани гибели, противопоставлен, с точки зрения критика, Гегелю как создателю универсальной системы идеализма, в основании которой находится разум. Каждой главе предпослан эпиграф из философских работ или Библии, который Л. Шестов разворачивает, осмысляет, соотносит с интерпретацией волнующих его вопросов.

Так, например, в главе «Иов и Гегель» критик интерпретирует фразу «Глас вопиющего в пустыне», подчёркивая экзистенциальную позицию С. Кьеркегора. Тем самым Л. Шестов как субъект высказывания ведёт речь об экзистенциальном состоянии художника и философа, высказанном в следующем суждении: «...философия и литература имеют своим началом не удивление <...> а *отчаяние* [Здесь и далее курсив наш. – Е.Б.]» [Лашов 2005: 15]. Отчаяние возникает в состоянии обречённости, онтологического одиночества и является импульсом в творчестве художника, раскрывающего глубины человеческой души. С точки зрения критика, писатель способен создать великие произведения только тогда, когда в его жизни была трагедия, когда он сам находился на краю гибели. Например, Ф. Достоевский, с точки зрения Л. Шестова, после помилования пишет лучшие свои произведения. Мучительное ощущение жизни проявилось в творчестве Н. Гоголя. В центре внимания Л. Шестова находится душа Н.В. Гого-

ля. Исследование специфики психосферной организации личности писателя позволило критику уловить связь между земным и трансцендентным, бытовым и бытийным в его текстах. Шестовское видение Н.В. Гоголя в целом вписывается в контекст литературно-философской критики конца XIX – начала XX вв., создавшей вместе с писателями-символистами вокруг его личности своеобразную мифологию. Н. Гоголь искал путь к истине через намеренное погружение в мир трагедии. Критик интерпретирует творчество художника как творчество, находящееся всегда «на грани реального и ирреального, бытия и небытия», где возникает возможность познать божественное. Для Л. Шестова жизненный и творческий путь писателя представляет собой один из самых загадочных примеров существования человека-на-границе, его попыток не выйти из области трагедии, а максимально погрузиться в неё, ощутить творческие муки, отчаяние, страдание. Современный исследователь В. Подорога отмечает, что для Н. Гоголя характерно погружение в мир смерти, в мир запредельный и тёмный, непознанный и страшный. Отсюда «безликость и мертвенность персонажей», «смерть уже случилась в гоголевском мире». Отсюда – множество деталей как попыток вернуться к жизни, укрепиться в ней. Но эти детали мгновенны, они быстро исчезают и сменяются описаниями «мёртвых героев». Эти тезисы близки концепции Л. Шестова, размышляющего о Н. Гоголе как о человеке с печатью смерти: «Его сверкающее остроумием и с несравненным юмором произведения – самая потрясающая из мировых трагедий, как и его личная жизненная судьба. И его посетил грозный ангел смерти и наделил проклятым даром второго видения». Именно Н. Гоголь, по мнению Л. Шестова, сумел максимально глубоко выразить сущность перехода в инобытие.

Критик предполагает, что читатель должен проникнуть в мир внутренних поисков писателя, в мир произведения, считая, что в наследии Н. Гоголя можно поставить знак равенства между ним и его текстами. В этой связи для критика наибольший интерес представляют поздние произведения писателя («Выбранные места из переписки с друзьями») и факт сожжения второго тома «Мертвых душ». Это примеры абсолютного безумия, к которому приходит человек, заблудившийся в мире обыденности в поисках божественного. Герои Н. Гоголя поэтому представляются Л. Шестову особым типом «подпольного человека»: безысходно-безумные, противоречивые, мучающиеся. Как известно, Н. Гоголь писал: «Я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка» [Шестов 2001: 119]. Именно это высказывание писателя

становится кодом в критической интерпретации Л. Шестова, позволившем ему писать о мистицизме Н. Гоголя, его экзистенции. Именно эти особенности творческой индивидуальности писателя дают право Л. Шестову заметить: «В русской литературе Достоевский не стоит одиноко. Впереди него и даже над ним должен быть поставлен Гоголь. Все произведения Гоголя... одни непрерывные записки из подполья» [Шестов 2001: 97].

Сопоставляя художественные миры Ф. Достоевского и Н. Гоголя, Л. Шестов указывает, что Ф. Достоевский сильнее проявляет своё отчаяние в художественных произведениях, Н. Гоголь – в публицистике, ибо в ней очевидна обращённость писателя к читателю. Литературовед В. Лашов отмечает: «Невыразимо страшное чувство перехода в инобытийное существование сумели потрясающе выразить многие русские писатели, но первее всех в этом отношении был, с точки зрения Шестова, Гоголь. Он считал его книги неразгаданными, скрывающими за семью печатями мироощущение великого писателя, представлявшего весь мир замороженным царством, погружённым в лицемерное смирение перед лицом необходимости. С точки зрения Шестова, Гоголь мучительней, чем Достоевский, чувствовал страшную власть чистого разума» [Шестов 2001: 78].

Л. Шестов указывает, что С. Кьеркегор так же, как русские писатели, решает «последние загадки бытия» – «загадки знания, веры, греха, искупления» [Там же]. Когда приходит осмысление бытия, возникает «безотчётный, беспричинный и бессмысленный страх перед Ничто» [Там же]. Страх же порождает отчаяние, которое «подводит художника к пределам сущего» [Там же]. Ничто в понимании Л. Шестова – это неизвестность, которая открывается человеку только тогда, когда он решается заглянуть за пределы сущего, за грань жизни и смерти, в мир божественной веры.

Л. Шестов включает в свои рассуждения читателя, в диалоге с которым ставит и решает онтологические вопросы бытия. Диалогичность двух сознаний даёт возможность Л. Шестову прийти к выводу, что разум превратил мир в великую иллюзию, где невозможным становится «преодоление самоочевидных» вещей (по суждению Л. Шестова – «самоочевидность»). Глас вопиющего в пустыне – это не только голос Иова, страдающего от страшной болезни в пустыне, Ф. Достоевского, ожидающего смертной казни, трагической гибели М. Лермонтова, безумства Н. Гоголя, – но и призыв самого Л. Шестова к отречению от власти разумной необходимости и приходу к вере. Именно поэтому ему близки художники, способные на внутренний бунт: М. Лермонтов и Ф. Достоевский, Г. Ибсен для кри-

тика – художники, в творчестве которых истинным становится то, что посылает художнику Бог с верой.

В этой связи любопытной является классификация личности, которую предлагает С. Кьеркегор. Мыслитель выделяет два типа личности:

- ❖ рыцарь покорности;
- ❖ рыцарь веры.

Рыцаря покорности С. Кьеркегор определяет как тип личности, смирившейся со своей участью, ощущающей себя «только пришельцем и чужаком». С. Кьеркегор приводит известный фольклорный мотив о царской дочери, которую хочет завоевать молодец, но он не делает усилие в движении к вере и Богу. В то время, как **рыцарь веры** «<...> благодаря вере <...> получит царскую дочь <...>, ибо он господствует над конечным» [Шестов 2005: 25].

На основе системы С. Кьеркегора Л. Шестов создаёт классификацию типов художника, согласно которой художник может реализовать себя в четырёх ипостасях: плотской, душевной, духовной, невинной.

Так, например, обращаясь к творчеству И. Тургенева, в частности, к «Стихотворениям в прозе», Л. Шестов замечает, что писателю удалось выразить тоску «о жизни... ушедшей на проповедь «добра». «Предпоследние слова» И. Тургенева возникают на грани жизни и смерти, когда раскрывается внутреннее Я человека, приближая его к истине. Именно поэтому человек в творчестве И. Тургенева, с точки зрения критика, являлся *исключительной* личностью со своей *неповторимой* жизнью, индивидуальностью.

Отношение Л. Шестова к творчеству И. Тургенева нельзя определить однозначно. Именно в «Стихотворениях в прозе» Л. Шестов усматривает мотив «предпоследних слов» писателя, то есть момент осознания художником онтологического одиночества, которое можно преодолеть силой веры, чтобы вырваться из норм и законов обыденности. Критик называет такой путь приходом к вере через Абсурд и осуществлением движения «рыцаря покорности» к «рыцарю веры».

Рыцарь веры для Л. Шестова – это художник **духовного типа**. К ним критик относит М. Лермонтова, Ф. Достоевского, А. Чехова, Г. Ибсена. Герои их произведений не боятся заглянуть за пределы сущего и ответить на вопросы о смысле жизни.

Промежуточным становится **душевный тип** художника. К нему принадлежат люди, стремящиеся к вере, но не пришедшие к ней. Они находятся за границей познания добра и зла и потому способны послушаться Бога и совершить первородный грех.

Обращаясь к читателю, Л. Шестов пишет: «...Послушаем его (т.е. С. Кьеркегора. – *Е.Б.*): «Невинность (т.е. состояние до первородного греха – *Е.Б.*) есть неведение. В невинности художник определяется не духовно, а душевно, в непосредственном единстве с природностью. Дух в художнике ещё дремлет. Такое понимание находится в полном соответствии с Библией, которая не признаёт за невинным человеком различия между добром и злом <...> а тайна невинности есть в то же время и страх...» [Шестов 2005: 15]. Имя Ф. Достоевского возникает, когда Л. Шестов ищет ответ на вопрос С. Кьеркегора: «...Что же, и Христос, являя чудо, отклонял наше внимание от милосердия и, стало быть, провинился перед этическим?» [Шестов 2005: 79]. Для Л. Шестова очевиден ответ на данный вопрос: Христос как Сын Божий стоит над этическим, потому категории этического (например, милосердие, которое, как мы отмечали выше, утверждает бессилие человека) для Него неистинны, *верой* совершаются великие дела. Но целью критика является необходимость убедить в этом реципиента, потому он отмечает: «Пусть на этот вопрос ответит Достоевский, один из наиболее близких и конгениальных Киркегарду писателей: «Я утверждаю <...> сознание своего бессилия помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном убеждении в страдании человечества, может обратиться в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему» [Шестов 2005: 98]. Эти слова из «Дневника писателя, 1875 г.» (гл. 3 «Голословные утверждения») отражают интерес Л. Шестова к проблеме свободной воли художника, которую парализует обыденность. Это тот душевный тип художника, пределы которого не преодолели ни С. Киркегард, ни Л. Толстой, ни Г. Ибсен, ибо понимание смысла жизни и творчества невозможно из-за страха перед Ничто, когда пассивная любовь рождает ненависть, окончательно закрывающую выход к вере. Пограничность и кризисность ситуации в душе художника определяется Л. Шестовым как хронотоп сознания, внутренний пространственно-временной образ, открытый и динамичный, противоречивый и нестабильный, в котором возможна «бессильная любовь» и «любовь-бунт».

Решая сложные философские проблемы в творчестве писателей, Л. Шестов обращается к читателю (таким читателем в данной ситуации является философ); очевиден интерес автора и читателя к совместному действию, подчеркивающий значимость предмета обсуждения. Вместе с тем, автор не константен, а подвижен, он может в любой момент перейти на позицию читателя воспринимающего. Высказыва-

ние Л. Шестова после цитации текста С. Кьеркегора обозначает доминанты сознания самого критика.

Л. Шестов является одновременно и субъектом, и объектом высказывания, реципиентом.

Укажем также, что, с нашей точки зрения, рассуждения ведутся автором в рамках рецептивной критики, в основе которой находятся следующие положения:

- 1) читатель реагирует на поток, а не высказывание в целом;
- 2) внутреннее постижение объекта полностью заменяет язык (то есть ощущение доминирует над вербальными средствами и занимает ведущую роль в акте интерпретации).

Следование таким положениям помогает Л. Шестову достичь высокого уровня интертекстуальности, диалогичности и сформулировать основные принципы своей критической системы, определив место художника в сложной ситуации пороговости и экзистенциального одиночества.

ЛИТЕРАТУРА

Асоян А. Семиотика орфического сюжета в литературе Серебряного века // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – Вып. 4. – 2002. – С. 16–24.

Горбачёв А. Гоголь. – М.: ЭКС ТМА, 2008. – 139 с.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1987. Т. 5. – С. 39–67.

Кувакин В.А. Мыслители России: Избр. лекции по рус. философии. – М.: Российское гуманистическое общество, 2005. – С. 300.

Лашов В. Л. Шестов и Н. Гоголь. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lev-shestov-i-nikolay-gogol>, 2012 (Дата обращения: 01.09.2013).

Манн Ю. Поэтика Гоголя. – М.: Худож. лит., 1988. – 413 с.

Овсянко-Куликовский Д. Литературно-критические работы. – М.: Букинистическое издание, 1989. – 526 с.

Подорога В. Мимесис. – М.: Культурная революция, 2006. – 539 с.

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – М.: АСТ, 2001. – 129 с.

Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия. – М.: АСТ, 2005. – 299 с.

© Буркова Е.С., 2013